

Егор Медведев

Georgia Pro Condensed

Annuuit Coeptis

или
Драконий интенсив

Егор Медведев

**Annuīt Coeptis или
Драконий интенсив**

«Автор»

2026

Медведев Е.

Annuit Coeptis или Драконий интенсив / Е. Медведев — «Автор»,
2026

Будни Влада были наполнены поисками острых ощущений, вечеринками и беззаботностью. Ровно до того момента, пока загадочная встреча с Артёмом, таинственным студентом, не открывает ему мир тайн и древних обетов. Когда в небе появляются чудовища, а в бывшем пионерском лагере воскресают забытые легенды, Влад и его новые товарищи оказываются втянутыми в борьбу, где на карту поставлены не только их жизни... Смогут ли Влад, далекий от дисциплины и ответственности, найти в себе силы стать настоящим воином и узнать, что за силы таятся за словами "Annuit Coeptis"? Приготовьтесь к захватывающему путешествию, полному загадок и испытаний! "Annuit Coeptis или Драконий интенсив" — это история о взрослении, преодолении внутренних демонов и борьбе за своё место под солнцем в мире, куда возвращаются драконы.

© Медведев Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Егор Медведев

Annuit Coeptis или Драконий интенсив

Артёму Ашанину, настоящему Воеводе, посвящается...

Я маску сорвал у жизни с лица
В надежде закончить игру...
Но бились в груди чужие сердца –
Горела свеча на ветру...

«Черные птицы» В. Белов

Глава 1

На берегу лета

Прошло беззаботное лето. Впереди – девять бесконечно-долгих учебных месяцев. Одногруппники Влада уже успели проститься с каникулами и с головой погрузились в учёбу: штудировали учебники, выискивали ответы на каверзные вопросы, аккуратно записывали их в специально заведённые тетрадки и берегли до сессии пуще зеницы ока.

А Влад – нет. Он не спешил отпускать лето. И оно ещё не отпустило его.

Слишком многое осталось несделанным: планировали прыгнуть с парашютом – не сложилось; хотели в горы – не нашли времени; под парусом ходили – и то всего раз. Было ощущение, будто жизнь промелькнула рядом, а он остался на берегу, с обидой и в недоумении.

Теперь его друзья почти всё свободное время проводили в клубах: пиво, девчонки, бессмысленный смех. Влад быстро влился в такую жизнь. Почему бы и нет? Молодой, здоровый, уверенный в себе. Девушки липли к нему, а судьба будто благоволила – всё сходило с рук. Учиться он не особо стремился, но обладал отличной памятью. Мог и не конспектировать лекции: стоило пару раз послушать – и уже пересказывал их лучше тех, кто корпел ночами над тетрадками. Это бесило преподавателей и раздражало однокурсников.

Наверное, Влад мог бы быть отличником. Но его «патологическая» лень и «эпатажные» выходки, как говорила Антонина Павловна, мешали. По сути – обычный пофигизм, приправленный врождённым упрямством.

Преподаватели нередко ставили на нём крест. Прожигатель жизни, разгильдяй, будущий «асоциальный элемент». Некоторые называли его вором. Влад давно перестал реагировать. У него выработался стойкий иммунитет к чужому мнению. Всё, что извне, он пропускал сквозь себя, как воду через сито. Но внутри, глубоко, где-то на дне – оставалась жгучая, немая обида.

Он не был безнадёжным – по любимым предметам держался на четвёрках и даже пятёрках. Но там, где требовались усилия, усидчивость, системность – он сыпался. Мог сидеть, смотреть в одну точку и вдруг почувствовать, как пропадает всякий интерес. Как будто кто-то внутри выключал рубильник: щёлк – и всё.

Несколько раз его едва не отчислили. Родители с трудом отстояли – связи, звонки, угрозы. Университет скрипел зубами, но держал. А Влад только раздражался: зачем ему всё это?

Как можно учиться, когда за окном жизнь, когда на каждом углу происходит что-то интереснее матанализа? Молодость проходит – а ты сидишь и пишешь контрольную по сопромату. Абсурд. Работать по специальности он не собирался – его сюда «засунули» родители. Отчаянно пытались передать династию. А он не хотел быть ни инженером, ни строителем. Вообще, он и не знал, кем хотел быть. Но точно не этим.

Первый раз, когда Влад почувствовал, что система его не принимает, он был ещё ребёнком. Тогда ему было десять. Он опоздал в школу – электричка, на которой он ехал с бабушкой из деревни, встала в поле почти на час.

Когда он забежал в класс – промокший, с охапкой репейников, – учительница, Валентина Семёновна, даже не выслушала.

– Ах вот ты как! Пока все работают – ты гуляешь? – глаза у неё были холодные, как лёд. – Стой и молчи.

Он начал объяснять – а она, не слушая, выставила его за дверь. На следующий день она позвала родителей. Влад стоял в коридоре, слушал разговор и впервые в жизни ясно понял: оправдания никому не нужны. Его уже записали в «трудные». Так и пошло.

После этого родители запретили ему ездить к бабушке, а учителя начали относиться настороженно. Кто-то жаловался на «влияние Влада на класс», кто-то – на поведение, которое он сам не мог объяснить. Один раз он не сдержался и просто ушёл посреди урока. Встал – и вышел. Потому что не хотел больше быть там.

Он знал, что это неправильно. Но он чувствовал, что если останется – сгорит. Тогда и началась его привычка всё делать наперекор.

Теперь он считал: если всё равно в тебе будут видеть плохого – будь им, но по-своему.

Как раз первую пару сегодня должен был вести Антибиотик – самый яркий его недоброжелатель. С лёгкой его подачи за Владом и закрепилась дурная слава. На самом деле его звали Виктор Эдуардович, но за страсть «лечить» студентов от «безделья и глупостей», студенты прозвали его именно так.

Именно с ним у Влада и случилась история, которая многое изменила.

Это было на первом курсе. Виктор Эдуардович слегка опоздал на пару – или, точнее, задержался. Как только вошёл, тут же попросил:

– Влад, будь добр, сходи за чертежами. Они на столе, ты сразу их увидишь. Вот ключ – если закрыто.

Влад нехотя взял ключ. Решил по пути заскочить в туалет – и покурить. После чего уже зашёл в лаборантскую за чертежами. Преподаватель недовольно посмотрел на часы, но ничего не сказал.

После пары Влада вызвали к завучу. Там уже сидел Антибиотик и группа преподавателей.

– Вот он, герой дня! – хмыкнул Виктор Эдуардович. – Подающий надежды. Только не те.

Антонина Павловна, завуч, посмотрела на него устало и строго. Сняла очки, провела рукой по лицу.

– Влад... Ты учишься на престижной специальности, в одном из лучших университетов города. Родители у тебя – золотые. Что же тебе ещё не хватает?

Он молчал. Стоял, будто каменный, с колотящимся сердцем.

– Виктор Эдуардович считает, что ты украл у него деньги. Пять тысяч рублей. Из его куртки. Из кармана.

Влад вскинул голову. Внутри уже бушевало – но снаружи он оставался внешне спокойным.

– В правом? – почему-то вдруг спросил он. – Это бред.

– Правда? – подался вперёд Антибиотик. – А откуда ты тогда знал, в каком кармане они лежали?

И тут Влад понял, что влип. Он действительно видел оттопыренный правый карман. Мельком. Подсознательно отметил – и проговорился.

Он пытался оправдаться. Сказать, что ничего не трогал, что, может, сам преподаватель забыл, куда положил. Но никто не слушал.

Сердце колотилось. Ладони стали влажными. Он сжал кулаки, чтобы не выдать дрожь. В голове шумело. Он чувствовал, как лицо заливают жар, а в груди копится – не страх даже, а... бессилие.

Он смотрел на лица учителей – холодные, закрытые. А ведь среди них были и те, которые были ему, Владу, симпатичны. И он понял: всё уже решено. Он – виноват. Потому что он – Влад. Потому что от него этого и ждут.

«Тогда зачем оправдываться?» – мелькнула мысль. Он выпрямился.

– Не брал я ничего. Хотите – верьте, хотите – нет. Ваше дело!

Голос дрогнул на последнем слове, но он сдержался. Развернулся и вышел.

Сзади раздался визг завуча:

– Мы тебя не отпускали!

Но он уже захлопнул дверь.

Он так и не узнал, нашлись ли деньги. Да и не спрашивал. Его уже давно научили: если тебя записали во «виноватые» – всё остальное не имеет значения.

– Не пойду к нему сегодня на пару, – подумал Влад. – Лучше посплю, пользы больше будет.

Только поспать ему не дали.

– Ты почему ещё в постели? – удивилась мать, заглянув в комнату с чашкой чая в руках.

– Нам сегодня ко второй паре, – буркнул Влад и отвернулся, но тут в разговор влез Славка, младший брат, как всегда, с вечно-чистой совестью.

– Всё он врёт! – громко заявил он из коридора. – Сам вчера говорил, что с утра занятия. Просто у него Антибиотик урок ведёт – вот он и не хочет идти!

Владу захотелось треснуть братишку по голове. Вечно влезает. Маменькин любимец. Всегда под рукой, когда надо кого-нибудь сдать.

– Быстро одевайся! – уже без обсуждений сказала мать. – И заодно поможешь Славке самолёт дотащить до школы.

Влад нехотя поднялся, зевнул и побрёл в ванную. По пути дал Славке лёгкую затрещину по затылку – беззлобную, но показательную.

– Мама! Чего он?! – тут же заверещал Славка. – Скажи ему!

Мать тяжело вздохнула из кухни, но ничего не сказала. Видимо, тоже устала быть арбитром.

Славка учился в пятом классе 108-й школы – в той самой, где когда-то учился и Влад. Только в отличие от старшего брата, Славка обожал учёбу. Может, дело было в нём самом, а может – в Регине.

Регин, Александр Александрович, вёл у них труд и кружок авиамоделирования. Настоящий энтузиаст. Вместе с ребятами он клеил модели самолётов – от простых планеров до копий истребителей, которые действительно летали. Их работы занимали призовые места на городских выставках. А когда школа заканчивалась, они всей толпой шли с ним на поле запускать модели – или даже просто змеев.

Славка был без ума от этого. Он жил идеей, говорил, что хочет стать лётчиком. У него горели глаза, когда он рассказывал о «воздушных боях» и «тяговом коэффициенте». Влад не всегда понимал и половины слов, но слушал – потому что в этот момент Славка становился другим. Настоящим.

Сегодня они тащили через двор школу очередной шедевр – огромную модель бомбардировщика С-22. За размеры и тяжесть люди прозывали его «Ильёй Муромцем». Влад помогал, скривившись – это был почти чемодан с крыльями. Брат уверял, что если Регин даст нужный совет, то «Илья» обязательно взлетит.

– Он слишком тяжёлый. Не полетит, – скептически буркнул Влад, с трудом удерживая конструкцию от перевеса.

– У Алексан Александрыча полетит! – отрезал Славка. – Он сам так сказал! Он всё может.

Старший брат покачал головой. Его в детстве никто так не вдохновлял. Не было такого человека, кому бы он верил безоговорочно.

Они дотащили самолёт до мастерской, занесли внутрь. Регина пока не было. Влад вышел на улицу, глотнул свежего воздуха, посмотрел на часы. Надо было где-то побродить час-полтора – так, чтобы не «светиться». Всё-таки, он твёрдо решил: на пару к Антибиотику – ни ногой.

Он вышел за территорию школы и почти столкнулся с Артёмом.

Тот учился на курс старше, тоже в Политехе. До этого они почти не общались – разве что кивали друг другу в коридоре. Влад собирался пройти мимо. Но вдруг, неожиданно даже для себя, остановился:

– Привет, – сказал он.

Артём повернулся и улыбнулся – открыто, по-человечески. Улыбка у него была странная – спокойная, как будто он всё знает. Но при этом не раздражающая.

– Привет, – отозвался он. – Брата провожал?

– Ага. Самолёт у него огромный – не донёс бы, – машинально объяснил Влад и тут же одёрнул себя. С чего это он перед ним распинается?

Он нахмурился, скрестив руки на груди, и решил вернуть инициативу.

– А ты чего тут? Пары-то уже начались.

Артём не ответил. Он смотрел в окна школы, будто кого-то искал. Влад подождал пару секунд, пожал плечами и пошёл дальше. Но, отойдя шагов на десять, обернулся – сам не зная зачем. Артём всё так же стоял, как вкопанный, и смотрел в то же место.

Что-то в этом было странное.

Влад мотнул головой и ускорил шаг.

– Чокнутый, что ли, – пробормотал он себе под нос. Но почему-то чувствовал: это не последняя их встреча. И ничего хорошего она не принесёт.

Глава 2

Там, где кончается небо

Небо было малооблачным, чистым. Его ненавязчивая безмятежность невольно передавалась и Георгию, наполняя душу гармонией, умиротворением и такой же кристальной ясностью. Здесь, наверху, был другой мир – тишина, первозданная лёгкость, невесомость бытия.

Ровный гул моторов стал частью Георгия – как биение сердца, как кровь в венах. Без него он уже не представлял себя. Он пил глазами пьянящую синеву, и сам себе казался орлом – не из сказки, а настоящим, боевым, чутким к границам своих владений.

Сегодня он патрулировал участок не один – рядом с ним в воздухе висели два «желторотика». Молодые, зелёные, едва облетавшиеся. Их нужно было ставить на крыло.

– Держись ровнее, тебя сносит на меня! – голос Георгия с трудом пробивался сквозь шорохи эфира, теряясь в шуме помех и треске динамика. – Третий, не отставай!

«Желторотики» держались сзади и сбоку, клином. Почти равнобедренный треугольник. Почти – потому что углы всё время плавали, геометрия постоянно рассыпалась. Один то снижался, то заваливался вбок, другой «клевал носом».

– Федотов, ты там не уснул на штурвале? В штопор уйдёшь к такой-то матери! – сквозь зубы выругался Георгий.

Он знал, что товарищи-инструкторы халтурят. Ускоряют подготовку. Оно и понятно – война. Но в его годы с таким налётом близко к боевой машине не подпустили бы.

– Завершаем облёт и возвращаемся на базу! – приказал он.

Пока всё было спокойно. В воздухе – тишина, на земле – ни движений, ни техники. Сектор считался «тихим». Именно сюда отправляли молодых: чтобы привыкли, чтобы в бой не рвались сразу. А те – наоборот. Обижались, что их не бросают сразу под Сталинград.

Вот и приходилось Георгию, капитану шестой воздушной армии, вкладывать им в голову, что война – это не романтика. Это терпение. Холодный расчёт. Ответственность. Хотя сам он был не так уж и стар – всего за тридцать.

– Кажется, немцы! – подал голос Петренко.

Петренко – перспективный лётчик. Георгий видел в нём себя – того, молодого, пьянеющего от самого полёта. В нём ещё не успел поселиться страх. Только азарт.

Теперь и Георгий увидел приближающиеся точки. Три. «Юнкерсы» и «мессер». Он тихо выругался. Если бы за спиной были бывалые – можно было бы принять бой. А так...

– В бой не вступать! – рявкнул он. – Возвращайтесь за подмогой! Я их на себя отвлеку.

Он понимал, что помощи ждать нечего – не успеют. Но нужно было предупредить базу. И – хоть как-то увести противника от ребят.

Немцы открыли огонь. Пока – издалека. Больше как вызов. Вспомнилась Испания – когда сами фашисты прятались, едва завидев советские «И-16». Времена сменились.

И тут он понял, что Петренко – не слушает. Его самолёт пошёл в лоб, лопасти запели. Он уже стрелял.

– Вернись! Это приказ! Немедленно! – Георгий орал в рацию, едва не срывая голос. Всё было зря. Федотов тоже бросился в бой. Оба – бездумно, как мальчишки в уличную драку. Командир стиснул зубы. Всё летело к чёртям. Неподчинение приказу в военное время это – трибунал. Конечно, под расстрел он их не отдаст, но, если удастся вернуться живыми, обязательно накажет, на две недели отстранит от полётов! Но теперь, не бросать же их!

Но он не мог. Не мог бросить.

Капитан взял курс на «мессер», который шёл, как и он, посреди клина. Его лёгкий «ишачок», уклоняясь от пулёмётных очередей, направился в лобовую. Вся надежда была на манёвренность и пушки. Если упустить «мессер», тот уйдёт на недосыгаемую высоту и будет расстреливать их по очереди, как куропаток.

Георгий открыл заградительный огонь. Попасть было практически невозможно, но попытаться стоило. Надо было подойти ближе, совершить крутой вираж и сесть на хвост. Краем глаза он заметил дымящийся «юнкерс», вращающийся вокруг своей оси. Зря он, наверное, ругал инструкторов – птенцы-то уже умеют клеваться!

И ещё он понял: они попали. Серьёзно и основательно. За разведчиками шли шесть бомбардировщиков и три сопровождающих истребителя. Наверняка летели бомбить аэродром. Размышлять было некогда – задачу они с треском провалили: проморгали противника, штаб не предупредили. Оставалось одно: попытаться остановить их своими силами или смыть позор кровью. Чем меньше бомб долетит до базы – тем лучше.

Хорош, гусь, размечтался! Ладно юнцы, но ты-то... стреляный воробей!

Георгию удалось развернуться и выпустить очередь по «мессеру». Пули прошли по обшивке правого крыла, не причинив, однако, заметного вреда. Немца качнуло, но он выровнял машину и резко пошёл вверх, почти вертикально. Теперь его было не догнать.

Сзади уже открыли огонь подоспевшие истребители. Положение становилось критическим. Коваленко огляделся – его ведомые ещё держались. Ничего, поживём ещё. Злая волна холодом прошла по телу.

«Хорошо, что это случится в небе, – вдруг спокойно подумалось ему. – Ребят жалко, конечно, жизни ещё не видели...» Но смерть в воздухе не казалась ему такой уж страшной, как если бы на земле.

«Здесь мы в своей стихии, в своём мире. По ошибке родились внизу – но умрём там, где и должны. Пусть небо примет нас. Пусть мы останемся в нём навсегда. Но пусть и не уйдём одни...»

Капитан сам не знал, к кому обращается. Не к Богу – его нет. Наверное, к самому небу.

Маневрируя, он сбросил скорость, подпустил вырвавшихся вперёд «мессеров» на дистанцию огня – и резко ушёл в пике. Те не отстали. Тогда он перевёл самолёт в восходящую спираль, и на выходе из неё наткнулся на выходящих из горки «сто девярых». Один из них завис в верхней точке прямо у него на прицеле, всего в сорока пяти метрах. Промahnуться было невозможно.

Разворачиваясь, Коваленко взглянул на падающий подбитый им «худой» и едва разминулся с Федотовым – тот спешил принять на себя второго. Резко задрал нос, Георгий поднялся и успел увидеть, как выше кружатся две птицы – «мессершмитт» и И-16. Коршун и ласточка. Петренко слишком высоко поднялся, на максимальную высоту. А немец не торопится – будто играет. Забавляется.

«Потерпи, Петя. Сейчас подойду. С немцем в манёвры затеялся... Эх, хоть бы один бомбардировщик сбить! Их сейчас прикрывает лишь один «мессер». Вот бы втроём карусель им устроить...»

Но что это?

Коваленко тряхнул головой, пытаясь прогнать наваждение. Показалось, что впереди летит... змей. Огромный. Самый настоящий змей-Горыныч, ей-богу. Прямо как у бабушки в сказках. Только у того было три головы, а у этого – одна.

Капитан не верил глазам. Вокруг бой – а тут это чудо-юдо! Интересно, он один его видит или остальные тоже?

Оказалось, не один. Один из «мессеров» открыл огонь и тут же был сожжён струёй пламени, вырвавшейся из пасти змея. Потом дракон рванулся на группу «юнкерсов», сбивая их

на землю, ломая фюзеляж. Внизу грохотали взрывы, рвались бомбы, заливали склоны огнём. Кипел ад.

За полминуты вся немецкая техника была уничтожена. Змей ревел, яростно и хрипло, словно и сам страдал. Потом он резко развернулся – и оказался рядом с советскими машинами.

Взмах хвоста – и Федотов ушёл в штопор, потеряв управление. Упал, разбившись о скалы. Огромным крылом, шириной в три самолёта, дракон смял И-16 Петренко, подхватил его в воздухе и разорвал в клочья могучими лапами. Затем взмыл в небо – и исчез.

Всё произошло так стремительно и неожиданно, что Коваленко даже не успел осознать случившееся. Это не укладывалось в голове. Две минуты назад – были они и фашисты. Всё ясно. А теперь? Какое-то неведомое зло, которое только что уничтожило и врагов, и друзей.

Почему он ещё жив? Где сам дракон?

Почему-то вспомнилось как дочке было четыре, и она, вцепившись в его шинель, шептала:

– Пап, а не улетай сегодня, ну пожа-а-луйста...

– Работа, зайка. Я скоро.

Но в тот день он не вернулся – только через две недели. Она уже забыла, что плакала. А он – нет. И не простил себе. С тех пор всегда уезжал резко, без долгих прощаний. Чтобы не вцеплялись. Чтобы не вырывать сердце.

Ещё бы раз... хоть раз увидеть её лицо – вблизи. Не на фотографии. Без стекла...

И тут – тень. Мгновенная, как лунное затмение.

Капитан почувствовал удар. Самолёт несколько раз перевернулся и пошёл вниз. Он успел надеть парашют. Поток воздуха его вырвало из кабины. Над ним раскрылось белое облако. За него-то и вцепился дракон – и потащил капитана, как безвольную куклу, в сторону леса.

Глава 3

Ветер меняет направление

Листья лежали под ногами пёстрым ковром. Хрустели, шуршали. Ворчливые дворники уже сметали их с дорожек парка, но налетал озорной ветер и снова разбрасывал их обратно. Дворники от этого только больше хмурились и ворчали.

А Влад шёл, никого не замечая. Даже дворников, раздражённых тем, что он тут ходит, мешает, помогает ветру расшвыривать листву.

В голове крутилась одна-единственная мелодия – вынырнула из детства, некстати... или кстати:

«Падают, падают листья в нашем саду...»

Дальше слов он не помнил, но эта строка застряла в памяти, как заноза, и вертелась на языке.

«Падают, падают листья...»

Чтобы отвлечься, Влад попытался сменить ход мыслей. Интересно, где сейчас их старый проигрыватель? Наверное, валяется у отца в гараже, пылится на верхней полке. А раньше стоял в зале – гордость семьи. Вечерами его включали, слушали, спорили, кто лучше поёт. Хорошо бы снова завести. Только иглы теперь не найдёшь...

Мысли неожиданно перескочили на Артёма.

Действительно, странный он. Влад попытался вспомнить, что знает о нём. Когда он учился на первом курсе, Артёма в университете не было. Появился внезапно – сразу на третьем. Говорят, перевёлся из Москвы. Отличник, любимец преподав. Ясно, что без плотных связей – не обошлось.

Что ещё?

Не пьёт. Не курит. Почти ни с кем не общается. Мяса не ест. С девушками не водится. Ботан, вроде бы. Только здоровый. Пятерых четвёрокурсников уложил, когда те до него докопались. С тех пор – ни один к нему не лез. Влад подумал: если бы он кого-нибудь так поколотил – его бы уже давно выкинули из универа. А тут – тишина. Всё гладко. Несправедливо.

И вообще – что он делал возле школы? Тоже брат есть?..

– Влад, почему опаздываешь? Пара уже идёт! – раздался резкий голос. – Теперь без серьёзных причин я тебя на занятие не пушу!

«Больно надо...» – лицо Влада непроизвольно скривилось. Антибиотик. Ну как так? Собирался же прогулять. Задумался, а ноги сами привели прямо в университет. Разгребай теперь.

«Пара уже идёт...» – мысленно передразнил он Виктора Эдуардовича. «А ты сам почему не там, а здесь?»

Конечно, вслух ничего не сказал. Стоял, уткнув взгляд в пол, и молча сносил поток привычных обвинений.

– С начала учебного года ты не был ни на одном моём занятии. Как ты собираешься сдавать экзамены? На собрании я подниму вопрос об отчислении! Ты отсюда вылетишь – вопрос времени. Я тебе это обещаю!

– Извините, Виктор Эдуардович! – раздался незнакомо спокойный, уверенный голос.

Артём.

Взгляд Антиботика метнулся к нему. Влад тоже удивился – откуда он тут взялся?

– Влад задействован в постановке и помогал мне с декорациями, – сказал Артём спокойно.

– И, скажите, с самого утра нужно было этим заниматься? – прищурился Антибиотик.

– Конечно. Спектакль уже через неделю, а работы – хоть отбавляй. Хорошо ещё, что Влад согласился помочь.

– Вы бы на него не слишком полагались, Артём, – ответил доцент, неожиданно перешедший на «вы». Он всегда ко всем обращался на «вы». Кроме Влада.

– В самый ответственный момент он вас подведёт. Он даже к собственной судьбе не может относиться серьёзно. И вам, Артём, следовало бы поставить меня в известность, прежде чем забирать Влада с пары. Я бы не ставил ему «н». Хотя... если он не подтянет сопромат – это уже и так не имеет значения.

С этими словами Антибиотик развернулся, сунул журнал под мышку и, не прощаясь, ушёл по лестнице вверх.

От сердца отлегло. Влад, конечно, был рад вмешательству Артёма, но зачем было вписывать его в какой-то спектакль? Это он ему сразу и высказал, как только Антибиотик исчез с поля зрения. Но Артём лишь спокойно улыбнулся.

– Не хочешь участвовать – не участвуй. У меня и так хватает людей. На самом деле, от тебя нужна совсем другая помощь.

Ты говорил, у тебя в той школе брат учится? А труды у него кто ведёт?

– Регин. Александр Александрович, – не понимая, к чему всё идёт, ответил Влад. – Он ещё на кружок авиамоделирования ходит.

– Отлично, – Артём расплылся в довольной улыбке. – А ты сам его хорошо знаешь?

– Ну да, нормальный мужик. Помешанный только на авиации. Говорят, где-то на даче настоящий самолёт строит, хочет полететь на нём. Не знаю, насколько правда, но модели у него – высший класс. Славка от него без ума.

– А занятия у них по каким дням?

– Что, тоже хочешь к нему? – усмехнулся Влад. – Оpozдал. Он работает только со школьниками. Я в девятом был, когда он у нас начал вести. Пока мы на трудах напильником круглые болванки в прямоугольники превращали, те клеили планеры и резали по дереву. Как мы им завидовали! Просили поменять учителя, но без толку. К нему и тогда ребята постарше хотели попасть, но он никого не брал. А занятия... да нет у него расписания. Как договорятся. Вот сегодня, например.

– Жаль, что взрослых не берёт, – Артём слегка помрачнел. – Ладно. Слушай, приходи вечером с братом ко мне на тренировку. Я со Славиком поговорю, может, что и выйдет. Вдруг можно будет попасть к Регину. По-другому.

– Хорошо, – почему-то ответил Влад. Наверное, потому что чувствовал себя обязанным за отмазку. – А что у тебя за тренировки?

– Да так... что-то вроде исторического фехтования. Клуб по интересам. Придёшь – сам увидишь. В пять, в Екатерингофе, возле стадиона. Знаешь?

– Знаю, был там пару раз.

– Отлично. Тогда до вечера!

Влад только махнул рукой. Далековато тащиться... скажу, что не получилось. А пока – надо подумать, где провести этот час: теперь-то его официально отпустили.

Влад забирал Славку с кружка. Тот был в хорошем настроении, хотя и немного расстроен – их самолёт так и не взлетел.

– Как ты узнал, что он не полетит? – допытывался он. – Сан Саныч сказал, он слишком тяжёлый. Но он же бомбардировщик, он и должен быть таким! Он ещё сказал, что не всё поте-

ряно – посмотрит, что можно переделать. Тогда мы к нему мотор прицепим и будем с пульта управлять!

Славка мог говорить без остановки, часами. Влад понимал, как брат расстроен – столько сил вложено в этот С-22, – но выслушивать длинный монолог после тяжёлого учебного дня... не было ни сил, ни желания. Чтобы хоть немного притормозить поток, он спросил:

– Музыку будешь?

– Ага, – послушно кивнул Славка. – А какую?

Влад уже распутал наушники и вставил одно «ухо» брату, другое – себе.

– Какая выпадет.

Чтобы амбушюры не выскакивали от шагов, он приобнял Славку за плечи. Так и пошли, обнявшись. А в наушниках заиграла «Ария»:

Война гонит ветер ужаса, пепел веков и дней.
Судьба вещей птицей кружится над головой моей.
Время, как змей, вьётся вокруг себя,
В книге смертей будет глава моя.

Дух оставил плоть, но покоя нет,
Я хочу сберечь заповедный свет.
Я – хранитель свеч на границе Тьмы,
Свет ковал мой меч для своей войны.

Меченый злом, мёртвым огнём,
Лоб твой горит, и не скроешь клейма,
Меченый злом, в сердце пустом
Спрятался страх, тени сводят с ума...

Он не сразу вспомнил про обещание Артёму. Пришли домой, поели. Славка сел за тетради. Отец залипал в боевик в зале, мать застряла в «Одноклассниках». А Влад? Не уроки же делать...

И тут всплыло в памяти приглашение.

– Славка, пойдём, съездим в одно место?

– Куда?

– Понравится, – улыбнулся Влад.

– Не, не могу, – отмахнулся брат. – Уроки делать надо.

“Ну и отлично. Что и требовалось.”

Влад накинул ветровку, затянул кеды.

– Влад, ты куда? Уже темнеет! – донёсся голос матери из кухни.

– Скоро буду. Артём пригласил.

– Какой Артём?

– Ну, ты его знаешь. На третьем курсе учится.

– А, Коваленко? Хороший мальчик. Только позвони мне от него, когда дойдёшь. И не задерживайся!

К месту Влад приехал поздно – тренировка уже закончилась, и ребята плотно укутывали деревянные мечи в ткань.

Артём первым подошёл к нему.

– Один?

– Да, – кивнул Влад, объясняя отсутствие брата. – Уроков много задали. Сидит, делает.

– Жаль. Ладно, познакомься пока с ребятами. Это Стас, Алихан...

Артём подводил к каждому, и Влад со всеми здоровался за руку. Всего их было двенадцать: пятеро – примерно их возраста, остальные – помладше. Самому младшему было, наверное, лет четырнадцать.

– Вот здесь мы иногда занимаемся, – сказал Артём, обводя стадион рукой. – Наше будничное ристалище. Так, для формы. Основные занятия – по выходным, за городом.

– Всё! Тренировка окончена! – громко обратился он к остальным. – Следующее занятие в субботу, на базе. С ночёвкой. Позже всем позвоню, скажу, кто что берёт. Встречаемся на вокзале, полдевятого, как обычно.

Ребята разошлись, пожав на прощание руки. А Артём, стягивая рюкзак на плечо, предложил:

– Ну что, раз уж пришёл – заглянем ко мне?

Жил Артём недалеко от парка – добрались пешком за двадцать пять минут. Всю дорогу Влад молчал, временами бросая скупые «угу» и «ага». Внутри кипело.

«Зачем я вообще ввязался? Натуральный детский сад. Кольчуги, доспехи, деревянные мечи...»

А Артём вдохновлённо рассказывал про бастарды-полуторки, кольчужные плетения, и про то, как ПВХ-луки заменяют деревянные. Влад уже хотел извиниться и уйти, сославшись на срочные дела, но было поздно.

– Вот мой дом!

Поднялись на верхний этаж. Света в парадной не было, и Артёму пришлось повозиться с замком. Квартира встретила Влада проломом в стене – прямо на кухню.

– Не обращай внимания, ремонт. Когда-нибудь доделаю, – усмехнулся Артём и нырнул в проход. – Проходи, располагайся. Я пока арбуз помою!

Пока он возился на кухне, Влад прошёл в гостиную, нашарил выключатель – и обомлел.

На всех стенах, занавешенных коврами, висело оружие. Как в музее. Отблески лампочки, свисающей с потолка на проводе, перебегали по лезвиям сабель и мечей. Влад не сдержал восхищённого возгласа. Он не был фанатом холодного оружия, но – какой мужчина останется равнодушным при виде такой коллекции?

– Нравится? – в проёме появился Артём с подносом, на котором покоился гигантский арбуз. Поставив его на стол, он снял со стены длинный изогнутый нож в потёртых ножнах.

– Мачете? – Влад видел что-то похожее в фильмах.

– Нет, – чуть обиделся Артём. – Где ты видел, чтобы мачете так украшали?

По лезвию шла затёртая, но всё ещё заметная витиеватая гравировка – настоящее произведение искусства.

– Кукри. Меч бога Шивы, – пояснил Артём.

Он легко взмахнул – и попка арбуза отлетела на стол.

– Хорошо рубит. И режет тоже, – он ловко разделил арбуз на дольки. – Угощайся.

Пока Влад приговаривал арбуз, Артём рассказывал о коллекции.

– Дед у меня был большим любителем клинков. С войны много чего привёз. Вот, например – пуукко, финка. А вот – немецкий траншейный нож. А это – моя любимая. Мизерикордия.

Он протянул кинжал Владу. Лёгкий, тонкий, что-то среднее между стилетом и иглой. Четырёхгранное лезвие, тридцать сантиметров, без гарды.

– Настоящая? – восхищённо спросил Влад.

– Конечно. Такой клинок был у всех госпитальеров. Им добивали раненых. Милосердный удар – *coup de grâce*.

– У тебя тут музей, – искренне восхитился Влад, возвращая клинок. Его взгляд упал на шкаф, где в ножнах покоилась катана. – А вон та тоже настоящая?

– Это не катана, а её предок – дайто. И нет, она не настоящая. Больше половины – муляжи. Это уже я сам покупал. Деду были интересны только европейцы. Настоящее древнее оружие – вон там.

Он подвёл Влада к витрине. На бархатной подложке – ржавая, вытянутая пластина металла.

– Как сказано в бумагах – скрамасакс. Остатки. Девятый век. Или восьмой. Дед за него состояние выложил.

Глаза разбегались. Влад вглядывался в детали, пока взгляд не упал на извивающийся, как змея, гигантский меч. Явно современной работы.

– Можно подержать? – осторожно спросил он.

– Конечно. – Артём снял меч. – Это копия фламберга. Пламенеющего меча.

Влад взвесил его в руках. Тяжёлый.

– За сталь не хватайся. Следы оставишь, – заметил Артём. Влад ничего не ответил, но внутри на секунду вспыхнуло раздражение. Захотелось – хоть мысленно – дать ему этим мечом по башке.

А Артём продолжал, будто ничего не заметил:

– Говорят, таким был вооружён сам архангел Михаил. В руках мастера – это было страшное оружие. Даже лёгкое ранение могло стоить конечности. Со временем от него отвернулись. Из святого оно стало дьявольским.

Влад ещё раз взглянул на хищное лезвие. Представил, каково было бы выйти против него. Да, внушает. Да, страшно. И какой же силой надо было обладать, чтобы размахивать этой машиной!

Коллекцию можно было рассматривать весь вечер, но на улице уже стемнело, и Влад понял, что пора уходить. Мать наверняка волнуется. Да и на трамвай ещё надо успеть.

Артём, провожая, напомнил:

– В субботу зайду за вами. Посмотрите, как мы живём. Только про оружие – никому... сам понимаешь.

Глава 4

Именем огня

Георгий очнулся от лёгкого подёргивания за плечо. С трудом разлепил глаза – засохшая кровь слиплась на лбу, залипла в ресницах. Он лежал на камнях у подножия невысокой горы. Вокруг – лес, плотный, как щетина. Парашют трепыхался рядом, изодранный в клочья, как флаг на ветру. Один край его был зажат под валуном.

Ныла нога. Тупо, глухо, но с каждым движением всё сильнее. Трещина? Перелом?

Он нащупал пряжку, отстегнул карабин, попытался подняться – и тут же едва не потерял сознание от боли. Сустав словно вспыхнул огнём.

Стиснув зубы, капитан задержал дыхание.

«Не поддаваться. Ни в коем случае. Меня найдут. А не найдут – сам дойду. Доползу...»

С трудом перевернулся на живот, аккуратно переложил больную ногу. Крови не было – значит, не открытый перелом. Уже плюс. Можно жить. Нужно подняться повыше – осмотреться, найти ориентиры, понять, в какую сторону двигаться.

Он начал ползти.

Рельеф был тяжёлый: острые камни, гравий, обломки валунов. Каждое движение отдавалось в бедре вспышкой боли. Мышцы гудели от напряжения. Георгий дышал коротко, как при марш-броске. Пот заливал лицо. Под ногтями – грязь и хвоя.

«Я ведь уже бывал в горах...» – всплыло неожиданно. – «Тогда, в Хибинах. Юдычвум-чорр. Тоже полз. Только был моложе, и сломанной ноги не было.»

Он вспомнил, как в юности провалился в расщелину, где просидел несколько часов. Тогда его нашли. Сейчас – никто не ищет.

Сейчас он сам себе спасатель.

Полз. Метр за метром. Дыхание сбивалось, сердце гулко било в висках.

Небо над головой становилось всё гуще – серое, свинцовое. Ветер усиливался, гнал облака вдоль хребта.

Он остановился перевести дух. Под ладонью – мох, сырой и холодный. Рядом просачивался ручей. Глотнул воды – ледяной, с каменным привкусом. Повернул голову. Солнце уходило за вершины.

“Скоро ночь. Если не найду укрытие – замёрзну. Останусь здесь – умру.”

Он поднял глаза – и понял, что не один.

Глухой, утробный рык заставил его замереть. Гребень... двинулся.

Через секунду перед Георгием выросла морда. Огромная. Глаза – чёрные, немигающие. Клыки – с локоть длиной. Ноздри – как пещеры. Всё в этом существе дышало яростью и смертью.

«Не в небе... Всё-таки на земле.»

Он встал. Несмотря на сломанную ногу. Несмотря на то, что организм вопил – «ЛОЖИСЬ!».

Он встал. Потому что не умрёт на коленях.

Зубы скрипели. В глазах темнело. Но он стоял. И смотрел дракону в глаза.

“Ты меня убил. Но не победил.”

Они молчали. Мгновение длилось, как вечность. Потом... пасть слегка приоткрылась – и Георгий понял, что чудовище улыбается.

– Что за удивительная встреча, – проговорил голос. – Дракон и Георгий. Символично, не находишь?

Он говорит. Он умеет говорить.

– Кто ты? – выдохнул Георгий.

– Сейчас не это важно. Сейчас важнее – кто ты. Я спас тебе жизнь. И теперь ты мне должен.

– Ты убил мальчишек! – голос у Георгия хрипел. – Я не просил тебя вмешиваться!

– Они бы всё равно погибли.

– Ещё не известно!

– Ложь. Ты сам это знаешь. Это был тупик. Ты не справился. Я просто вмешался – и теперь даже не уверен, чем за это заплачу. Честно – было бы проще, если бы ты умер. Но раз ты жив – слушай.

Он приблизился. Камни трескались под его лапами.

– Я спас не только тебя. Я спас и тех, кто остался на аэродроме. Теперь мне нужна услуга.

Пауза. Ветер.

– Скоро тебя найдут. Добудь Грам. И принеси его мне. Он должен быть уничтожен.

– Что... за грамм? – Георгий не чувствовал губ. Голова кружилась. Всё плыло.

– Ты узнаешь его. Обязательно.

Принеси. Обманешь – проклянёшь день своего рождения.

Я растопчу всё, что тебе дорого.

А твоя Ксения... ей ведь скоро четыре, да?

Не подведи её.

Ты должен.

Должен.

Должен...

Георгий потерял сознание, ещё не упав.

Глава 5

Орлёнок спит

Не таким представлял себе пионерский лагерь Влад.

«Орлёнок» оказался заброшенным, забытым всеми – кроме одной бабки, что давно приютилась в одном из домиков, и пожилого сторожа. Правда, сторожом он себя не называл – предпочитал зваться просто «начальником лагеря». Целыми днями он сидел на завалинке и пускал дым. Все ключи от лагеря были у него.

Дядя Ваня, как его звали ребята, оказался человеком простым и бесхитростным. Очень обрадовался пакету с продуктами, что привезли ему из города, а вот к блоку сигарет отнёсся с порицанием:

– Зачем это? Химия одна! У меня только своё, природное!

И вправду: за его домиком раскинулась настоящая табачная плантация – разные сорта, разная крепость. Заваркой служили листья малины, мяты и плоды шиповника. На чай и табак он не тратился вовсе.

Пакет и сигареты он неспешно унёс домой, даже не разувааясь, а вернулся уже со связкой ключей.

– Располагайтесь, где получше, – передал он их Артёму. – Потом зайду, проведаю. Только не сорите и ничего не ломайте!

– Как обычно, дядя Вань, – улыбнулся Артём. – Остановимся там же.

– Да... и не пейте!

– Мы же спортсмены! – всё с той же улыбкой ответил Артём. – Как можно?

– Я знаю, – махнул рукой старик. И, спускаясь по тропинке, напоследок крикнул:

– Всё равно... не пейте!

Команда заняла большой, когда-то живописный домик, фасадом выходивший на заросшее выцветшей травой поле. Два окна грустно смотрели на это поле, словно вспоминая, как когда-то здесь звучал залиvistый детский смех, проходили линейки и весёлые игры. А теперь – тишина. Тягучая, почти живая. Всё здесь дышало покинутостью. И как будто сама осень помогала этому: леса редели, птицы стихали, листья медленно кружились в холодном воздухе.

Домик имел две веранды. Одна – заколочена. Вторая – со ржавым замком. Артём не без усилия провернул ключ, и вся компания разом ввалилась внутрь. Влад и Славка были здесь впервые, остальные чувствовали себя как дома. Видимо, всё было распределено заранее: никто не говорил лишнего, каждый сразу занялся своим делом. Кто-то пошёл за водой, кто-то – за дровами, кто-то расчищал место для костра.

Влад почувствовал себя неуместно и подошёл к Артёму:

– Мне чем помочь?

– А ничем! – пожал плечами тот. – Вы у нас впервые, гости, можно сказать. Осматривайтесь. Мы сейчас всё организуем.

Пока все занимались обустройством быта, братья отправились исследовать дом. Две комнаты, когда-то разделённые дверью – теперь просто широкий проём. В углу – самодельная лестница из вбитых в стену скоб, ведущих на чердак.

Наверху пахло пылью и сухими листьями. Посередине круглое окошко. Когда они поднялись, из-под потолка вылетели испуганные летучие мыши. В потолке – дыра, под ней – оди-

нокое, помятое железное ведро. Рядом – пучки засохших трав, привязанные к балке. Влад почувствовал, как по спине пробежала лёгкая дрожь.

Когда спустились, пол в доме уже был вымыт, на улице горел костёр и над ним покачивался котелок.

– Выбирайте, кто где спать будет! – распорядился Артём. – Лучше пока светло.

Все стелили карематы прямо на пол и раскладывали спальные. Влад бросил свой у окна, затянутого многослойной плёнкой. Немного тянуло холодом, зато отсюда не было видно чердачного зева с его крылатыми обитателями.

– Ну что, разомнёмся перед обедом?

Артём уже собирал строй.

Впереди – трёхкилометровая пробежка до озера и обратно. Но не простая: с гусиной ходьбой, бегом с захлестом, переменной скоростью и даже отрезком, где нужно двигаться на руках с поддержкой. Славка бежал наравне со всеми. Не жаловался. Не сбивался с ритма.

Влад с удивлением почувствовал лёгкую гордость за брата. Молодец он. Всё-таки – молодец.

Недалеко от лагеря, прямо в лесу, ребятами была сооружена самая настоящая спорт-площадка: круглая арена, засыпанная песком, самодельные тренажёры, сколоченные из досок, веток и металлолома, где в качестве груза использовались камни разной тяжести. Но самое интересное – полоса препятствий. Система из верёвок, натянутых между деревьями, пеньков, лестниц – вертикальных и горизонтальных. Всё это соединялось в сложную, но логичную сеть.

– Ух ты! – не удержался Славка и, позабыв про усталость, сломя голову рванул к верёвочной лестнице, ведущей на смотровую площадку.

Артём мягко, но жёстко его остановил:

– Подожди. Сначала – проверка. Безопасность – прежде всего.

Он обошёл всю систему, проверяя узлы, натяжение, страховку. Только когда убедился, что всё надёжно, разрешил начинать. Ребята тут же разошлись по своим местам: Алихан с Петькой – к шестам, Стас и Коля – к мишеням, Сашка – к самодельному «станку», где долбил пресс, а Славка со Стёпкой тут же оккупировали «тарзанку».

Каждый занялся своим делом – своим профилем, как называл это Артём.

Сам Артём подошёл к Владу с узким свёртком в руках.

– Держи. Это тебе.

По его лицу сразу стало ясно: момент – торжественный. Влад, конечно, не разделял всей помпезности, но развернул свёрток с должным уважением.

– Ничего себе... Из текстолита?! Когда ты успел?

Он держал меч на вытянутых руках. Тот был покрашен хром-краской, и издали выглядел почти как настоящий. По центру клинка аккуратно тянулся дол, рукоять, обмотанная кожей, удобно ложилась в ладонь. Казалось, меч дышит в руке – зовёт в бой.

– Эфес – железный, – гордо добавил Артём. – Заказал токарям. Знал, тебе понравится.

Понравится – мягко сказано. У многих пока были лишь деревянные мечи, которые быстро изнашивались. А этот – выдержит годы тренировок. Влад поймал себя на том, что горд. И даже... благодарен.

– Ну что, испытаем? – предложил Артём. – Вижу по глазам – руки чешутся.

Он подвёл Влада к дереву, с которого свисали нанизанные шесть автомобильных покрышек.

– Знакомься. Это – Балда. Лучший тренажёр для отработки удара.

Влад с размаху ударил мечом. Покрышки упруго отразили удар, так что тот чуть не выронил оружие.

Артём рассмеялся:

– Меч держи крепче. И руби не рукой – всем телом. Дыхание – вперёд! С выдохом!

Он показал, как нужно. Удар – точный, резкий, со звоном в позвоночнике. Покрышки закачались.

– Давай теперь ты.

Через пару ударов у Влада стало получаться. «Балда» раскачалась, целиться стало сложнее, но именно это и было интересно. Вскоре Артём встал напротив, и вдвоём они начали наносить удары, один за другим. Глухой гул покрышек разнёсся по округе – даже сороки на верхушках деревьев встрепенулись.

После – все собрались на арене. Отрабатывали технику зажима меча противника между щитом и своим клинком. Время летело. Про обед вспомнили только когда желудки громко напомнили.

А потом – сборка доспехов, подготовка факелов. Осень быстро смеркалась, и бой при факелах манил всех. Славку, конечно, на ристалище не пустили, как он ни просился. А вот Владу – нашли кое-какую броню. Без понтов, но надёжную.

И Влад удивлял.

Он быстро схватывал стойки, моментально учился уворотам. Раз-два – и уже ловит финт, отвечает контратакой. Один раз – даже задел Артёма. Не по-настоящему, конечно, но все это увидели.

– Если бы не знал, что ты новичок, – сказал Артём, снимая шлем, – подумал бы, что ты минимум полгода уже с нами.

Из тебя выйдет настоящий боец. Тренируйся – и, возможно, уже на ноябрьской встрече с москвичами выставим тебя в основном составе.

Кому не приятно такое слышать? Особенно новичку.

Влад почувствовал, как его по-настоящему втянуло. Не в игру. В ритуал. В братство.

Здесь никто не спрашивал, кто он. Не вспоминали про долги, учёбу, скандалы. Здесь все были равны. И его приняли сразу – не за прошлое, а за то, как он держит удар.

Так размышлял Влад, неспешно возвращаясь в дом. Там уже горели свечи, мальчишки упаковывали снаряжение и доставали из рюкзаков припасённые пироги. Впереди был долгожданный чай у костра. Но перед чаем оставалось кое-что, и это было сделано специально для Славки.

Артём объяснил ему, что дружинное братство – это не просто компания друзей или вторая семья, где помогут и поддержат. Это ещё и ответственность. За товарищей. За себя. За свои поступки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.